

По дороге Сюэ Динъюань и Чу Хуншэн узнали, что после того, как Чу Хуншэн и староста деревни унесли Сюэ Динъюаня, Чжан Цуйлань начала суетиться, чтобы продать только что полученную землю.

Однако никто не хотел её покупать!

Во-первых, большинство молодёжи из деревни уехало на заработки, остались только пожилые люди и люди среднего возраста, которым хватало своей земли для обработки.

Во-вторых, все знали, какая Чжан Цуйлань человек — с тех пор, как Сюэ Динъюань начал работать, он практически взял на себя все домашние дела. Но он был ещё молод, и часто в их доме наступали трудные времена.

Каждый раз, когда это случалось, она шла к соседям, жалуясь, как тяжело живётся ей, вдове с ребёнком, и что у них нет земли. Затем она уносила с собой пару кочанов капусты или полкорзины картошки.

Хотя всё это было выращено на их собственных участках и не стоило денег, но со временем это стало невыносимым!

Особенно учитывая, что Чжан Цуйлань сама вообще не работала, а только болтала и распускала сплетни. Поэтому её голод был следствием её лени. Все знают, что помогать нужно в крайних случаях, а не постоянно поддерживать лентяя.

Поэтому, как только она заговорила о продаже земли, её тут же осадили, сказав, что теперь у неё есть земля, и она может сама её обрабатывать, чтобы в будущем не оставаться без еды.

Кроме того, все знали, как она получила эту землю, и никто с совестью не хотел иметь с ней дело.

Думая о том, как Чжан Цуйлань не смогла продать землю и была осажена, Сюэ Динъюань почувствовал некоторое удовлетворение.

Но это было лишь мимолётное чувство, ведь всё это уже не имело для него никакого значения.

Они быстро оформили документы, но нужно было ждать семь дней, чтобы получить их на руки, поэтому они вернулись в деревню.

Однако их настроения теперь были совершенно разными.

Сюэ Динъюань был полон надежд на светлое будущее и потому был счастлив.

Чу Хуншэн же, напротив, выглядел крайне недовольным.

Более того, Сюэ Динъюань заметил, что чем больше он радовался, тем мрачнее становился Чу Хуншэн.

Это было просто удивительно!

Но даже несмотря на своё недовольство, Чу Хуншэн не обделял его заботой. Каждый день он ходил в горы за овощами и дровами, ловил рыбу и раков в реке, готовил еду и занимался всеми делами.

Сюэ Динъюань хотел помочь, но Чу Хуншэн не позволял ему вмешиваться. Единственное, что

он мог делать — это готовить и мыть посуду.

Но если он делал слишком много, Чу Хуншэн становился ещё более недовольным!

Сюэ Динъюань чувствовал себя словно молодой барин из богатой семьи, которому нужно только ждать, когда слуга придёт его обслуживать.

Это было невыносимо!

Поэтому он решил поговорить с Чу Хуншэном, но тот был так занят, что навязываться с разговором казалось просто капризом.

Сюэ Динъюань снова почувствовал нелепость ситуации, словно мужчина усердно работает, чтобы прокормить семью, а жена, сидя дома без дела, начинает придираться к нему...

Да, он действительно хотел найти повод для ссоры.

Но днём возможности не было, а вечером, как только он попытался заговорить, Чу Хуншэн притворялся спящим!

Думая, что Чу Хуншэн устал за день, Сюэ Динъюань не решался его будить.

Так продолжалось до того дня, когда они получили свои документы — они также заехали на вокзал и сразу купили билеты до провинциального центра.

Они купили билеты на обычный поезд с жёсткими сиденьями, так как у Чу Хуншэна хватило денег только на два таких билета.

Сюэ Динъюань не видел в этом проблемы — в провинциальном центре он сразу найдёт работу с питанием и жильём, а потом накопит на аренду квартиры — желательно вместе с Чу Хуншэном, чтобы помогать друг другу.

Конечно, если Чу Хуншэн будет упрямыться, он не станет настаивать, но деньги обязательно вернёт...

Всё будет идти своим чередом, он уже прошёл через это в прошлой жизни, хуже точно не будет.

Но Чу Хуншэн выглядел озабоченным.

Сюэ Динъюань утешил его:

— Всё будет хорошо.

Его собственное будущее было туманным, но он помнил, что Чу Хуншэн появлялся на телевидении — пусть и на местном канале, но это всё равно круто.

Чу Хуншэн посмотрел на него с нерешительностью, а затем, как ни пытался Сюэ Динъюань заговорить с ним, он молчал, выглядя немного подавленным.

Когда они вернулись домой, поужинали и прибрались, им нужно было лечь спать пораньше, так как поезд отправлялся на следующую ночь, и им нужно было набраться сил — сразу после прибытия им предстояло искать работу, и времени на отдых не было.

Но сегодня они легли слишком рано, и, пролежав с закрытыми глазами, они лишь отдохнули, но не уснули.

Закат угас, и луна начала постепенно освещать комнату.

Чу Хуншэн первым нарушил тишину:

— Когда приедем в Бинчэн, будь осторожен. Я... я не могу тебе ничем помочь, у меня нет денег, чтобы защитить тебя.

Сюэ Динъюань вдруг понял, что всё это время Чу Хуншэн был недоволен именно из-за этого.

Он приподнялся:

— Я думаю, мы не можем продолжать так жить!

Почему нельзя просто поговорить откровенно?

Чу Хуншэн явно заботился о нём, беспокоясь не о себе, а о том, что не сможет помочь ему финансово...

Кто бы поверил, что он действительно его ненавидит?

Он наклонился к Чу Хуншэну:

— Почему ты так хорошо ко мне относишься, но...

Увидев голову Сюэ Динъюаня над собой, освещённую лунным светом, Чу Хуншэн на мгновение замер.

Но затем, очнувшись, он схватил одеяло и побежал в другую комнату.

Да, в другую комнату!

Сюэ Динъюань опешил.

Он даже не успел закончить вопрос!

Сюэ Динъюань сидел на кровати с одеялом в руках, чувствуя смесь злости и смеха. Неужели он так придрался, что «муж»... тьфу! Неужели он так придрался, что человек сбежал?

Он даже ничего не успел спросить.

Кроме того, последние несколько дней они экономили дрова и использовали только одну печь, поэтому другая комната была холодной.

Сейчас ночи были ещё прохладными, поэтому Сюэ Динъюань, накинув одежду, подошёл к другой комнате и, стоя перед кроватью, уговаривал:

— Вернись, я больше не буду глупости говорить.

Если он не хочет говорить, пусть так и будет. Он уже взрослый и знает, что иногда лучше не копаться в деталях.

К тому же он и так знал, что Чу Хуншэн к нему хорошо относится, зачем всё выяснять?

Но Чу Хуншэн не отвечал.

— Здесь же холодно, ты можешь простудиться.

Чу Хуншэн всё ещё молчал.

— Ну что за ребёнок такой упрямый!

— Сам ты ребёнок!

Сюэ Динъюань растерялся.

Но то, что он заговорил, уже было хорошо.

Сюэ Динъюань снова попытался уговорить его:

— Давай, вернись.

Чу Хуншэн снова промолчал.

Сюэ Динъюань подумал и решил попробовать ещё раз. Он вышел, взял свои постельные принадлежности и вернулся.

Войдя, он вздрогнул, увидев, как Чу Хуншэн сидит и злобно смотрит на него.

Он поспешно заговорил:

— Ложись, так сидеть холодно.

Он разложил свои вещи рядом с Чу Хуншэном, словно решив, что сегодня точно его достанет.

Чу Хуншэн, увидев его действия, лёг обратно в постель и с обидой в голосе сказал:

— Ты же ушёл.

Ох, вот это обида!

Даже если он говорил сердито, в этих словах сквозила обида.

Сюэ Динъюань снова подумал, какой же Чу Хуншэн упрямец, и мягко сказал:

— Где ты, там и я.

Он даже дрожал от холода, поэтому быстро залез под одеяло.

В комнате действительно было холодно, и тепло из-под одеяла уже ушло. Ледяной холод заставил его зубы стучать.

Это было не только холодно, но и как-то странно. Он чувствовал, что использует своё тело, чтобы манипулировать Чу Хуншэном, и это было немного нелепо.

Но, похоже, это сработало.

— Зачем ты пришёл? Здесь так холодно, если ты ещё заболеешь, у меня нет денег на лечение!

— Чу Хуншэн наконец заговорил.

Сюэ Динъюань сделал вид, что ему очень холодно:

— Я же сказал, где ты, там и я!

Чу Хуншэн снова замер, затем отвернулся:

— Не хочу с тобой разговаривать!

<http://bllate.org/book/16745/1561611>